

РЫЖИЙ разбойник Огонь полюбил Воду холодную. Но нельзя Огню на Воде жениться: и она его погасит, и он ее иссушит. Заметался буйный Огонь по белу свету, пожарами разбушевался от горя. Да повстречался ему мастеровой человек. Иваном его звали. Узнал про беду Огня и говорит:

— Не тужи, Огонь. Поженю я тебя на Воде ледяной. Но для этого нужно мне дом для вас построить.

И построил Иван котел-терем. Зажили в нем Огонь с Водой дружно и весело: и он ее не сущит, и она его не гасит. А сын их Пар богатырем вырос да невиданные чудеса стал творить. На телегу сядет, телега его силой покатится да еще сто других телег поездом повезет. На корабль ступит Пар-чародей — убирай паруса, без ветра корабль катится. На завод пожалует — колеса завертит, где сто человек работали — одного хватает. Не меркнет слава о русском мастеровом человеке. Весь свет знает, как сосватал он холодную Воду за Огонь, а их сына-богатыря на службу людям поставил...

— Вот какую сказку придумал я об изобретении Ивана Ползунова, — заключил Евгений Андреевич Пермьяк свой рассказ.

Через вещи и убранство комнаты, через все, что, казалось бы, живет порознь, мы лучше понимаем людей, потому что все в доме — их продолжение, их выражение. Побывав в доме Евгения Пермьяка, можно заметить, что столы, стулья, лампы явно не из магазина. В саду — кресла и столики самодельного происхождения. Становится очевидным, что хозяин дома дружит и с мастерком, и с рубанком, и с верстаком...

— Я вам похваляюсь: мастерить я люблю и умею. А это потому, что в тринадцать лет встал к станку.

...Годы были суровые. Шла первая мировая война. Женя Пермьяк, юный житель уральского города Пермь, вынужден был помогать семье. Во время каникул он стал приходить на завод, где работала родня. Первые прикосновения к настоящему труду не были в тягость. Напротив, рабочая одежда, руки, пахнущие мазутом, тепло только что изготовленной детали — все наполняло мальчишку гордостью раннего повзреления. А когда кончались каникулы, он снова приходил в гимназию и там продолжалось обучение мастерству «на все руки». Директором гимназии был генерал в отставке и в опале, свою новую работу он любил и исполнял ее как призванный педагог. Уроки труда генерал ставил во главу угла, хотел, чтоб ученики они делали нравственно выше, а гимназии приносили материальную пользу.

— Вот, скажем, сделали мы, гимназисты, табуретки, — вспоминает Евгений Андреевич, — их продают на рынке — ученики к продаже никакого отношения не имели — допустим, по полтиннику штука. Но если чью-то табуретку за эту цену не купят, а купят дешевле, то тому, кто ее сделал, оценка снижается. Вот такая наука была — честная и справедливая.

После гимназии жизнь Евгения Пермьяка поначалу складывалась так, что ему приходилось быть то подручным кондитера, то уполномоченным по продразверстке, то инструктором по культурно-массовой работе, то журналистом. И все не лишнее, тем более для писателя. Про писательскую память кто-то сказал, что она является главной кладовой литературного таланта. Такой кладовой стал для Евгения Пермьяка его Урал, память о родном и близком. За сорок с лишним лет работы в литературе Евгений Андреевич ни разу не увел своих героев с уральской земли, хотя книги рождаются по-разному и на разных дорогах подсматривает писатель сюжеты будущих произведений.

Вот, к примеру, роман «Ста-

ра-ведьма». Он рассказывает о том, как человек преодолевает «ведизм», явление ныне, к сожалению, распространенное. Незаметно, исподтишка частно-собственный инстинкт затягивает в свои сети сталевара Василия Киреева, низводя его до уровня откровенных стяжателей. Но наступил момент, когда Киреев почувствовал, что задыхается, что вещи опутали его по рукам и ногам, и он уже не свободный человек, а раб предметов, которые для настоящего счастья, может быть, нужны менее всего.

— Эта книга мною выстрадана, — признается писатель. — Поверьте мне, стяжательство «ведьмее всех ведьм». Это я знаю по себе. Когда-то я увлекся строительством дачи и потом оказалось, что не я в ней живу, а она во мне. Я расстался с моей порабощительницей и впоследствии написал роман «Старая ведьма», герой которого отдаленно повторил мою «трагедию» со счастливым концом...

Откровенная, прямая публицистика — отличительная черта творчества Пермьяка. Тенденциозен в лучшем смысле этого слова его роман «Последние заморозки» о невозможности жизни без «взаимного излучения теплоты»; тенденциозны книги «Царство Тихой Лунии» и «Сольвинские мемуары», развенчивающие сентенции политических жонглеров Запада о примирении порабощенных и порабощителей; тенденциозна «Сказка о сером волке», рассказывающая о человеке, который потерял все и не может возратить для себя ни одной радости, потому что твердо уверился в зверином законе — «человек человеку волк».

— Я не представлял и не представляю теперь, как можно написать что-то вне политической, вне общественной жизни народа и страны, — говорит о

своем писательском кредо Евгений Андреевич.

И мы, читатели, не представляем творчества прозаика вне публицистики. Даже его сказки. Собственно, сказочность — составная часть всех художественных произведений Пермьяка. Элементы народной выдумки, волшебства тонко вводит он в реалистическое повествование. И это художественное решение придает его прозе колорит и занимательность, отводит от образов плакатность, «агитку». Сказки внутри романов и сказки «как таковые» — любимый жанр писателя, и сколь бы ни были они волшебны и фантастичны, от жизни они не отделямы.

— Я не люблю бессмысленных сказок, сочиненных без всякой идеи, — говорит Евгений Андреевич о своем отношении к

стойчивого человека». Таков «Фока — на все руки дока», такова умная Машенька, сумевшая из «кусачей» крапивы соткать «хитрое полотно», и многие другие герои Пермьяка.

Но есть еще одна особенность его детских книг. Многие сказки — это занимательные по выдумке иллюстрации народных мудростей, пословиц и поговорок: «Семь раз отмерь — один раз отрежь», «Бережливым быть хорошо, а добрым лучше» и даже такой «взрослой» мудрости, как: «Не та мать, которая деток народила, а та, что их вскормила, вспоила да на ноги поставила». Надо сказать, что, адресуя свои сочинения детям, Евгений Андреевич не боится говорить с ними как со взрослыми. Среди детского, простодушного текста иной раз встретится фраза, смысл которой по-настоящему ясен только для человека с жизненным опытом: «Наступило самое страшное из самого страшного, которое только бывает на свете: Вова остался один. Один-одинешенек» или: «У всех все есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает... Может возникнуть вопрос: а стоит ли говорить детям истины, которые в силу своего возраста они до конца не поймут, нужно ли утруждать их размышлениями о серьезности жизни?»

— Это нужно делать обязательно, если мы не хотим воспитать легкокрылых мотыльков, не знакомых с понятиями о долге, чести, порядочности, — убежден Евгений Пермьяк. — Надо сказать, что для меня нет ничего труднее, нежели работа над публицистическими книгами для детворы. Создавая их, я все время иду как бы по лезвию ножа, боясь оступиться с одной стороны, в декларативную трескотню, с другой — в назидательное «сю-сю». Я не знаю ничего каторжнее тьмы переписки страничек для детей. Один мой коллега сказал о моей детской публицистике: «Хрестоматийная простота». Я не спорю, но про себя знаю, что «хрестоматийная простота» не порок, а достижение, если она кому-то удастся...

Удается ли что-то писателю — о том судит читатель. А читают Евгения Пермьяка не одно поколение юных и взрослых. Многие его книги, а их у писателя около двухсот, переведены на языки других народов. Год назад вышло четырехтомное собрание сочинений писателя, в котором есть сказка-притча о чудесном певце. Он пел не только красиво и задумчиво, но и красочно — на все цвета радуги. Розовую песню с весенне-зеленым отливом любил слушать юноши и девушки. Алая песня с синей каймой раздумья и серебристыми прожилками мудрости очень нравилась людям пожилым. А певцу хотелось спеть такую песню, которая полюбилась бы сразу всем. Но такой песни у него не получалось. И тогда Солнце сказало певцу:

— Милый мой! Если бы всем нравилось одно и то же, тогда бы остановилась жизнь... Тогда бы тебе незачем было писать новые песни...

Книги Евгения Пермьяка многоцветны, как песни его героя. **Т. ПОСЫСАЕВА.**

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Заметки
о творчестве
Евгения Пермьяка

этому жанру. — Я не педагог, хотя и закончил педагогический факультет Пермского университета. Но писатель — учитель особого рода. Во всяком случае литературная деятельность смежна с педагогической, а иногда и неразделимо слитна с ней. Поэтому откровенная публицистика не оставляла меня и в литературе для детей.

Первые юные друзья Евгения Пермьяка давно уже люди взрослые. А в тридцатых годах они читали детский журнал, который издавался при его участии, — «Делай все сам». В сорок шестом году писатель дебютировал в детской литературе книгой «Кем быть?» — результат поездки Евгения Андреевича со своим другом и учителем П. П. Бажовым по Уралу. Эта книга подлинный гимн человеку-труженику, мастеру — «золотые руки».

Без труда нет красоты человека, без искусства нет величия его дел — такова формула многих детских произведений Пермьяка, воспевающих людей мастеровых, смекалистых, дотошных до рукотворчества. Это не случайно, потому что сам Евгений Андреевич всю свою жизнь, которая приближается к 80-летию, не расстается с рабочим инструментом. Продолжая себя в литературе, он стремится раскрыть перед маленьким читателем поэзию главного содержания жизни — труда, в сказочных увлекательных формах рассказать об удивительных и простых вещах. Например, о нитках, которые по желанию неряшливой старушки исчезли, и вместе с ними исчезли одеяла, платья, ковры и шали; или о волшебных красках, которыми поначалу не мог воспользоваться даже «самый добрый из самых добрых мальчиков», потому что и с красками, и с обыкновенным топором или швейной машинкой и даже просто с глиной могут творить волшебство только «руки трудолюбивого, на-